Ива / поэма

Category: Kitapcy,Poemalar
написано kitapcy | 26 января, 2025
Ива / поэма ИВА

Друзья, пусть ива надо мной шумит,
Когда меня покинут жизни силы.
Ея ветвей люблю я грустный вид,
Ея листы поблекшие мне милы,
И тень ея собой не отягчит
Ту землю, где почию сном могилы…

I.

В толпе тревожное движенье…
Мисс Смолен песню начала…
Она с собою принесла
Толпе восторг и вдохновенье;
Собранье шумное гостей,
Умолкло вдруг, внимая ей.
Она пленяет всех собой,
На лик певицы молодой
Все взоры страстно устремились;
Она задумчива, бледна;
Небес лазурь и глубина
В прелестном взоре отразились.
Волнистый шелк ея кудрей,
Короной светлою венчает
Ее чело; все манит к ней,
Все к ней невольно привлекает.
Ее ласкает, любит свет;
Везде улыбку и привет
Она встречает, но во взоре
Невинной девы видно горе…
На ней лежит тоски печать.
Кто тайны сердца может знать?

На облака закат бросает
Порою отблеск огневой,
С трудом тот отблеск мрак ночной
С лазури неба прогоняет;
Так проливает в сердце радость
Ея улыбка и с собой
Приносит счастье и покой
Ея пленительная сладость…
Краса лица и сердца младость
Мечты отрадныя дарят.
Ея очей глубокий взгляд
Сердца пленяет и тревожит;
Тот взгляд никто забыть не может…
——

Про иву, зеленую иву
Запела в волненьи она…
Сначала лишь тихою грустью
Унылая песня полна.
На бледном лице Десдемоны
Читается скорбь и печаль;
Слезою затмилась улыбка;
Ей светлаго прошлаго жаль…
Но все безотраднее горе…
Тоска все растет и растет;
Как будто прощаясь с землею,
Она эту песню поет.
Полна и страданья, и страсти,
Волшебная песня неслась;
Певица в пылу вдохновенья
Ей всею душой отдалась.
Когда непогода бушует,
Ревет и клубится поток,
Кто знает, куда понесется
Волнами гонимый челнок?
Порою под звуки напева
На память счастливые, дни

Приходят; забытыя грезы
В душе пробуждают они…
Забытыя думы…. Как призрак
Прошедшее счастье встает
И в душу святые восторги,
Надежды отрадныя льет…
Все глубже тоска Десдемоны;
Все песня грустней и грустней;
Уныло от горя и боли
Струится слеза из очей;
Как волны колеблятся струны,
От муки сжимается грудь,
Бушуя ревет непогода;
Убийца направился в путь…
В ней силы слабеют и гаснут;
Умчался пленительный сон;
Волшебную песню сменяет
Тяжелый, болезненный стон…
И вот умолкает певица
От страха нема и бледна
И арфу, убита кручиной,
В обятьях сжимает она.

Под звуки страстнаго напева,
Внимая голосу любви,
Ты слезы льешь, младая дева.
Святыя слезы не таи…
Иной бы дал и жизнь, и счастье,
Чтобы его холодный прах
Слезою теплаго участья
Почтила ты; в твоих очах
Пускай, как жемчуг драгоценный,
Слеза сияет и блестит…
Отдавшись песне вдохновенной,
В душе больной тоска молчит;
Гармоньи пламенные звуки
Ее уносят в светлый край,

Где молкнет тяжкий голос муки,
Где скорби нет, где в сердце рай…
Язык любви, язык страданья,
Как сладко нас пленяешь ты!…
Даешь душе очарованье,
Рождаешь чудныя мечты.
Когда порой безсильно слово,
Когда поэзия молчит,
Твой голос пламенный звучит.
Ему душа внимать готова,
Исполнен он волшебных чар,
Им сердце сладостно согрето,
Он в душу льет потоки света,
И, принося блаженство в дар,
Звучит, таинственности полн,
Как листьев шум, как ропот волн…
Угасло пламенное пенье,
Последний звук умолк с тоской…
А все певица от волненья
С трудом дышала;- так порой,
Хоть песня больше не звучит,
Гитара стонет и дрожит…
Толпа с любовью созерцала
Певицу- взор е» горел,
Ея лицо красой сияло…
Кому достанется в удел
Ея любви огонь мятежный?
Кто пробудить сумеет страсть
В ея груди? Душою нежной
Кого она признает власть?
. . . . . .
Среди толпы Тиберс стоил.
Он в старом доме обитал
Близ замка Смолен- с давних лет
Он гордых Смоленов сосед.
Судьба с ним обошлась сурово:
С нуждою горькой он знаком

И должен жить своим трудом*
Но он владеет даром слова
И чудным голосом. Свой взор
Мисс Смолен на него склонила
Любви полна… С которых пор
Их души страсть соединила?—
Никто ответить бы не мог.
Любовь святую видел Бог,
Но про нее не знали люди…
Невольно вырвался из груди
У бедняка блаженства стон.
Надеждой светлою согретый,
Своей любовью увлечен,
«Меня ты любишь ли, Жоржета»?—
Ей прошептал украдкой он.

II.

В замке отцовском Тиберс обитает.
Ночи он трепетно ждет:
Только стемнеет — дрожа от волненья,
Он на свиданье пойдет…
——

В замке старинном и время, и бедность
Грустный оставили след…
Тяжкой рукою его подавило
Бремя промчавшихся лет.
Шум пированья, веселыя песни
В залах пустых не звучат.
Слуги исчезли- в забытых хоромах
Мрак и молчанье царят…
Мрак опустенья — убогая бедность,
Грустный и тягостный вид!
Только в одной из заброшенных комнат
Лампа уныло горит.
Там, где алхимик и денно, и нощно
Тайны природы искал,

Подле молельни, тюрьмы или склепа
Бедный Тиберс обитал.
Кто нам разскажет прошедшаго тайны?
Что там скрывалося встарь,
Мы никогда не узнаем- с могилой
Сходство имеет алтарь.
Кто нам разскажет, как гордый владелец
В годы прошедшие жил,
Как он в далекий поход снаряжался,
Суд и расправу чинил,
Как, увлекаясь заветной мечтою,
Думою тайной своей,
Бледный алхимик страдал и трудился
В мраке безсонных ночей?
——

Молчат уныло мрачныя руины…
На них лежит годов тяжелый след…,
От роскоши давно минувших лет
Лишь уцелели старыя картины.
Вот Рафаэля снятие с креста.
Какою мукой дышет лик Христа!
Убитая тяжелою тоскою,
В слезах стоит Его святая Мать,
Закрыв лицо дрожащею рукою;
На ней лежит отчаянья печать…
Однгь молитва даст ей утешенье;
Неизлечима боль Сердечных ран!
Вот кисти Жирико произведенье,
Здесь Тинторет, там светлый Тициан…
Юдифь Аллори душу наполняет
Невольным страхом; злобой дышет взор,
Ея лицо из рамки выступает
И Олоферну шепчет приговор.
Все о былом хранит воспоминанье,
Лишь бюст Наполеоца говорит
О новых днях; безсмертныя деянья

Завистливое время не затмит;
Пройдя из века в век, из рода в род,
В сердцах людей их слава не умрет.
В убогой келье царствует наука;
Искусству в ней воздвигнут храм святой;
Упорный труд дает душе покой
И светлый мир; в ней умолкает мука;
Даря восторг, бросая в душу свет,
Богиня грез, богиня песнопенья
Страдальцу посылает упоенье;
Надеждой он утешен и согрет…
——

Забыв друзей и шумное веселье,
Одной мечтою светлой вдохновлен,
Тиберс свой, век влачил в убогой келье;
Никто не знал, зачем скрывался он.
Одной любви он верил и служил;
Других страстей душа-его не знала.
Он жизнь свою науке посвятил;
Она его манила и пленяла.
Отдавшись ей, он горе забывал…
В тумане скрылись тихия долины;
Заката луч, алея, догорал
И золотил высоких гор вершины;
На спящий мир ложилась ночи тень;
Зимою ночь сменяла быстро день…
Сгущалась тьма; вечернее моленье
Окончено!… толпа домой спешит;
Лишь песни звук, теряясь в отдаленьи,
Порой о дне субботнем говорит.
С росою пало светлое забвенье
На сонный мир; все реже гул шагов;
Настало царство грез и сладких снов…
Тиберс глядел с слезой участья
На проходящих поселян;
Им никогда не светит счастье,

Им тяжкий крест судьбою дан!…
Ища денное пропитанье,
Они трудиться век должны;
На скорбь и вечное страданье
Они судьбой обречены…
Глядя* на них с тоской глубокой;
Тиберс печаль скрывать не мог:
И он томился одиноко,
И он был беден и убог…

Бедняк и поэт.

О, бедность! лучшия стремленья
И сердца лучшия мечты,
Не зная слез, ни сожаленья,
Рукой железной давишь ты…
Года проходят за годами,
А все тоска сжимает грудь;
Ты злая мачиха — слезами
Страдальца орошаешь путь…
К дверям могилы довременной
Его ведет твоя рука…
Он к ней идет трудом согбенный,—
Ужасна доля бедняка!
Но безотрадней доля злая
Того, кто дум вкушает плод:
Минуты отдыха но зная,
Двойною жизнью он живет.
Своей мечте отдавшись страстно,
Простился он с отрадным сном:
Она стоит пред ним всечасно,
Как ангел с огненным мечем.
Ее считая за святыню,
Он силы ей и жизнь дарит;
Она-жь в безмолвную пустыню
Больную душу превратит…
Раздался звон… Тиберс, душой смутясь.

Ему внимал. «Настал молитвы час,
«Пусть за меня помолятся они»!—
Он молвил «исчез в ночной тени.

Вечерняя звезда.

Когда земля внимает гласу Бога
И человек почиет от труда,
Скажи, кому с лазурнаго чертога
Киваешь ты, вечерняя звезда?
Все спит кругом; чуть слышно льются волны;
Утихла буря; неги полон лес;
В волшебный час, когда земля безмолвна,
Ты для кого блестишь среди небес?
На траурном плаще безмолвной ночи
Сияешь ты сребристою слезой…
Своим лучем пленяя сладко очи,
Куда стремишься ты во тьме ночной?
Где прячется твой луч благословенный.
Когда заря румяная встает?
В лесу-ль густом? иль словно перл безценный,
Уходишь ты на дно шумящих вод?…
Недолго нас ты радуешь лучами;
Заря встает, ты прячешься в волнах…
Хоть краткий миг еще останься с нами!
Звезда любви не меркни в небесах!

III.

В звездах горел небесный свод;
Закат алел; кругом темнело;
Жоржета близ шумящих вод
С подругой милою сидела
И думы поверяла ей….
«Люблю я блеск ночных лучей,
«Люблю смотреть среди тумана,
«Как у подножья скал седых
«Бушуют волны океана.

«Я часто здесь, глядя на них,
«Сижу отрадных дум полна….
— Но ты взволнована, бледна,
В твоих очах сияют слезы….
«Я без причины слезы лью;
«В душе восторг, а в сердце грезы..
— Уйдем отсюда…
«Я люблю
«Невольным трепетом обята,
«Смотреть как гаснет луч заката…
«Куда спешишь?
— Твоя рука
Дрожит; ты хочешь скрыть тревогу
Своей души.
«Тебе тоска
«Не сушит грудь; одну дорогу
«Ты только знаешь в жизни. Свет
«Перед тобою чашу бед
«Не вылил; горя ты не знала,
«Хоть мы одних с тобою лет.
Я путь иной себе избрала…
— Ты вся дрожишь; свою тоску
Поведай мне…
«Перед тобою
Скрываться дольше не могу;
Душа полна одной мечтою;
Как луч вечерний гасну я
И век в страданьи одиноком
Влачу уныло; жизнь моя
Течет хладеющим потоком,
Но сердце полно светлых дум,
И плеск волны, и листьев шум
Мне сладко шепчут про любовь;
Внимая голосу природы,
Ищу восторгов и свободы,
Во мне, пылая, льется кровь;
Я гасну — выслушай меня;

В тебе найду я утешенье;
Тебе одной открою я
Души тревожное волненье,
Мечты заветныя свои…
Я умираю от любви…
Как в бурном море пропадает
Чуть слышно льющийся ручей,
Так в этой страсти утопает
Душа моя; отдавшись ей,
Я не могу сносить разлуки…
К сопротивленью воли нет;
Тебе открою сердца муки…
Будь мой Гораций, я — Гамлет.

IV.

Обятый сладкими мечтами,
Тиберс чуть слышными шагами
Дошел до замка, где с отцом
Жила мисс Смолен; все кругом
Молчало; замок лишь не спал;
В нем яркий свет огни бросали.
И в окнах тени промелькали.
Тиберс уныло прошептал:
«У них веселое собранье.
«Она смеется надо мной;
«Напрасно жду ее с тоской —
«Она забыла про свиданье!
Тиберс, дрожа, взглянул в окно.
«Урочный час прошел давно.
«Мне за любовь обман наградой»…
Перед иконами старик
Молился; миром и отрадой
Дышал благочестивый лик.
Старик стоял, склонив колена,
Своим семейством окружен,
От всей души молился он.

Годов не ведая измены,
Надеждой светлою согрет,
Он в счастье верил; горьких бед
Ему судьба не посылала.
Жена и дочь молились с ним.
Словам отрадным и святым
Младая дева не внимала.
Тиберс, зачем смущаешь ты
Святой невинности обитель?
Уйди, коварный обольститель!
Тобой полны ея мечты;,
‘ Ты отнял дочь у старика;
Ея позора он не знает,
Ее с любовью осеняет
Его дрожащая рука.
Она твоя; ея мечтами,
Ея душой ты завладел
И от нея, взмахнув крылами,
Хранитель светлый улетел.
Она разстроена, бледна…
Горя от страсти и волненья,
С тоской немою ждет она
Конец вечерняго моленья,
Чтобы увидеться скорей
С Тиберсом; сердце шепчет ей:
«Он здесь; надеясь и любя,
Давно любовник ждет тебя…
«К нему на сладкое свиданье
«Спеши»! Глубокое молчанье
Обяло замок; он заснул;
Умолк шагов тяжелый гул…
Пока заря не заалела,
Спеши — минуты дороги!…
Вдруг дверь чуть слышно заскрипела,
И чьи-то робкие шаги
Раздались…
В сердце смутный страх,

В душе невольная тревога,
Когда темно и гласу Бога
Внимает мир. В ночных тенях
Мелькают призраки виденья
Рисует нам воображенье.
Во время бури лес дрожит
И ветер злобно завывает;
Так ужас в душу- проникает,
Когда земля, как гроб, молчит…
Душа со страхом просит сна,
Когда в природе мрак, и тишина.
К любовнику Жоржета подошла;
Настал волшебный миг желанной встречи;
Вздымалась грудь ея, дрожали плечи,
Она его с любовью обняла,
Сплелися руки в пламенном пожатьи
И он, дрожа, упал в ея обятья…

V.

Скажи, зачем, мой старый друг,
Ты от меня скрываешь горе?
Тоска в твоем померкшем взоре;
Какая скорбь, какой недуг
Тебя гнетет? Ты помолиться
Сегодня утром позабыл;
Ты ходишь мрачен и уныл.
Со мною горем поделиться
Ты должен!
«Где же наша дочь»?
— Твоя печаль ее тревожит
И слез она скрывать не может;
Скажи, зачем сегодня в ночь
Ты вышел из дому как тать
И грозно мне велел молчать,
Когда тебя я умоляла
Не выходить? Зима настала

И ночи холодны…. Открой
Свою печаль. Одной рекой
Счастливо наши дни текли;
Мы душу в душу провели
Весь век.
— Не мука давит грудь;
Я болен.
«Тщетно обмануть*
«Меня ты хочешь; в час ночной
Больным не вышел бы из дома.
Твоя душа с тоской знакома….
Зачем дрожащею рукой
За шпагу старую берешься?
Не уходи! Коль не вернешься,
Что станем делать без тебя?
Ты — наше счастье и опора.
— Не плачь! домой приду я скоро…
Не бойся…. Где же дочь моя?

VI.

Луна бледнеет в небесах;
Алеют серых скал вершины;
Купаясь в утренних лучах,
Проснулись спящия долины.
Белея, стелется туман;
Струятся волны аромата;
В одежду пурпура и злата
Облекся бурный океан;
Природу солнце осветило;
Настал молитвы чудный час…
Светило дня! ты жизнь и сила
Земли; лучами грея нас,
Ты правишь миром; пред тобой
Безследно грустною чредой —
Проходят люди; мы живем
Лишь миг, но наша грудь согрета

Лучем божественнаго света;
Пускай к могиле мы идем
И жизнь волною быстротечной
Проносится; сияя вечно,
Ты одинок, а нам дана
Любовь; когда душа полна
Отрадных грез и светлых дум,
Нам дела нет до тайн природы;
Нас не тревожит грозный шум
Стихий- пускай проходят годы
И настает кончины час:
Одна мечта пленяет нас…
——

В тот светлый час, когда заря
Встает над спящими полями
И свету новый день даря,
Сияет алыми лучами,
Тиберс спешил в свой бедный дом.
Как гроб молчало все кругом…
Вкушая сладкое забвенье,
Он шел в раздумье погружен;
Как редки чудныя мгновенья,
Когда лелеет счастья сон,
Когда не давит жизни бремя,
Когда свободно дышет грудь:
Невольно думаешь, что время
Тогда на миг прервало путь…
Блаженством душу наполняют
Восторги светлые любви,
Как мысли радостно блуждают,
Какой, огонь горит в крови!…
О, ночь! ты царство сладострастья,
Ты будишь сладкия мечты,
Даришь душе восторг и счастье…
О, ночь! зачем проходишь ты?
С тобой сравниться день не может;

Ночная тень — любви покров
Пройдет и мука сердце гложет,
И больше нет отрадных снов…
——

Глядя с тоской в немую даль,
Близ шумных волн сидит Жоржета.
Любовью грудь ея согрета;
В лице читается печаль…
Тиберс, в слезах разставшись с ней,
Ушел неровными шагами.
Зачем влюбленными очами
Следишь за ним? Уйди скорей!…
Проснулся ветр; туман прибрежный
Пропитан сыростью и мглой;
Ты о былом с любовью нежной
Воспоминай, спеша домой!…
Тиберс к себе вернулся поздно.
Его старик какой-то ждал
И, на него взирая грозно,
Ему со злобою сказал:
«Для нас разсчета час настал».

VII.

В монастыре тревога и волненье…
Хоть ночь давно, никто не может спать.
Монахини проходят как виденья;
То слышен шумный говор, то опять,
Умолкнет все; какое-то несчастье
Грозит, вселяя в душу смутный страх;
На лицах озабоченных участье
Читается; молитвы на устах…
В обители немое ожиданье…
Унылый крик,— страданья полный стон
Прервал на миг тяжелое молчанье.
В убогой келье вдруг, раздался он,
Где на коленях женщины стояли

Перед распятьем, плача и молясь…
Скажите, сестры скорби и печали,
О ком мольбы? Которая из вас
Кончает век, утраченный напрасно,
Прощается с остатком грустных дней?
Вы ждете смерть вседневно и всечасно;
С улыбкою идя на встречу к ней,
Вы носите печальныя одежды;
Вам изменили сладкия надежды;
Отрадою не дышет ваша грудь;
Вам ни любовь неведома, ни злоба…
К стенам монастыря ужасен путь.
Но не далек от келии до гроба…
Немой тоски и мук полна.
Лежит отшельница младая
В борьбе неравной погибая,
Со смертью борется она…
В ней гаснет дух, слабеют силы;
Не может крест она обнять;
Она зовет с слезами мать;
Из груди рвется стон унылый.
Скажите, в чем ее вина?
Что губит жизнь ее до срока?
Зачем, зачем, в тоске глубокой
Кончает грустный век она?
С тех пор лишь два промчались дня.
Как в монастырь старик суровый,
Молчанье гордое храня,
Ее привел для жизни новой.
Когда она святой обет
Произнесла покинуть свет,
Старик ушел, ее простя…
Ушел! а бедное дитя
С тех пор лишилось чувств и силы,—
Пред ней открылась дверь могилы…
В убогой келье слышен плач.
Больная к жизни не вернется…

Ее спасти не может врач,
Молиться только остается…
Она рукой сжимает грудь,
Склонясь без силы к изголовью…
Она жила одной любовью;
Любовь могла-б ей жизнь вдохнуть;
Увы, ей сердце изменило,
Надежды луч в душе губя!
Пред ней холодная могила,
Она сойдет в нее, любя…
Что сердце девы молодой?
Надежд и грез веселый рой;
Она цветет, благоухая,
Не зная скорби и тревог,
Среди семейства; мать и Бог,
Любовь родных, любовь святая.
Ея защита и оплот;
Она без них не проживет;
Она нуждается в опоре,
Как слабый плющ; опоры нет
И ей на век постынет свет.
Ее сразит тоска и горе;
За то, что, сердцу дань платя.
Любила сильно и глубоко,
Как Десдемона, жизнь до срока
Окончит бедное дитя.
* * *

Иныя светлыя созданья
Полны небесной красоты.
Они дарят очарованье,
Любовью дышат их черты;
Они не созданы для муки;
Им не снести тоску разлуки.
Их очернить не может свет;
Когда пред ними чаша бедь
Им изменяет жизнь и сила:

Их ждет венец или могила…
Они для счастья рождены;
Им жизнь сулит восторг и радость;
Их тешат сладостные сны,
Но злое горе губит младость
И смерть влечет их за собой;
Так каждый век кончает свой.
Померк последний луч надежды;
Судьбы свершился приговор!…
Потух ея тревожный взор;
Ей скоро смерть закроет вежды;
Тяжелых дум и мук полна,
Она в борьбе изнемогает;
Главу усталую она
На грудь безжизненно склоняет;
Но все она кого-то ждет
С невыразимою тоскою…
Для мира новый день встает.
Заря блеснула над землею
И, озаряя бледный лик,
К больной веселый луч проник,
Надежду ей суля и счастье…
Природа вечною красой
Блестит, не ведая участья;
Что ей до горести людской?
Глядя на мира блеск и шум,
Страдалец, полон горьких дум,
Обятый горем, понимает,
Что в нем безплодно льется кровь,
Что лишь пустыню наполняет
Его безумная любовь…

Надежда.

Когда в страдальце гаснет сила,
Когда пред ним лежит могила
И он отчаяньем томим,

Светла, как ангел безмятежный,
Одна надежда, с страстью нежной
Еще склоняется над ним,
С его лица стирая слезы;
Она дарит святыя грезы,
Пред ним свои восторги льет,
Блестит в его потухшем взоре
И, убаюкивая горе,
В далекий путь его ведет.
——

Одной любви своей внимая,
Кого-то дева молодая
Зовет с глубокою тоской…
Но смерть влечет ее с собой…
Вдруг все померкло перед ней;
Потух огонь ея очей…
Обята мраком вечной ночи,
Ужель она во цвете лет
Покинула холодный свет
И навсегда закрыла очи?
В одежду инока одет,
Как алтарей святой служитель,
В то время в мрачную обитель
Какой-то юноша спешит.
Его уныл и мрачен вид…
Толпа дает, ему дорогу,
И вот к больной подходит он,—
Скрывая тайную тревогу;
Ему ответил слабый стон.
«Скажи, ты узнаешь ли друга»?—
Ее со страхом он спросил.
Увы, от скорби и недуга
В ней угасал остаток сил…
Глаза безжизненно блуждали,
Вокруг монахини стояли.
«Оставьте нас»,— он им сказал,—

«Я опоздал, я опоздал»!
Ложилась тень; лучи заката
Бросали отблеск огневой…
Надежда нет; лицо больной.
Могильной бледностью обято.
Дышало смертью; крест упал
Из хладных рук; кругом царило
Молчанье; юноша стоял
Пред ней, и образ сердцу милый
С любовью нежной созерцал…
Любви волшебными словами
Ей жизнь вдохнуть хотел бы он;
Просил с горючими слезами,
Чтоб на любви молящий стон
Она откликнулась; ей руки
Он страстно жал, но тщетно все.
С земною жизнью для нея
Настал тяжелый час разлуки.
Она должна покинуть свет;
Ужь смерть открыла ей обятья…
В нем шевельнулися проклятья…
«Я опоздал — спасенья нет»!—
Он простонал, склоняясь ниц,
Сраженный горем без границ.
Кто испытал тоску и муку,
Тот знает, как томится грудь.
Когда нельзя спасенья руку
Тому, кто гибнет, протянуть…
В немое горе погружен,
Ты даже рад услышать стон:
Щемящий боли крик унылый,
Все знак что не угасли силы…
Чтоб только милую спасти,
Ты дал бы жизнь, но безвозвратно
Погибло все, и еле внятно
Звучит последнее прости…
Когда любимыя черты

Обезображены кончиной,
Убитый горем кручиной
Невольно понимаешь ты,
Что сердца чудная святыня
На век погибла- что весь свет –
Одна безбрежная пустыня,
Где для страдальца счастья нет…

VIII.

Свершилось! Отданы кладбищу
Останки девы молодой…
Никто к последнему жилищу
Не проводил ее с мольбой…
Ея отец, убит тоской;
Его покинула опора
Преклонных лет; недолго ждать.
За нею в путь пойдет он скоро….
Монаха больше не видать;
Он скрылся. Спи, дитя несчастья!
Пускай никто с слезой участья
К твоей могиле не придет –
Она цветами зарастет;
Земля с улыбкою безстрастья
Глядит на смерть своих детей.
Ея эмблема – лютый змей,
Который сам себя грызет…
Природа смертью лишь живет;
Она безмолвный мавзолей
Людских желаний и страстей…
Дитя, по воле злаго рока
Ты краткий век свершила свой;
Ты жизнь окончила до срока,
Как роза, смятая грозой…
Тебя одна мечта меняла,
Но рано слезы ты узнала.
Страданий горестную тьму.

Тебя покинули надежды
И ты на век закрыла вежды.
Дитя! мир праху, твоему!…

IX.

Корабль на волнах океана
Качался; ночи час настал;
Среди прибрежнаго тумана *
Шотландский берег исчезал…
Немой тоски и муки полный,
Один на палубе сидел
Какой-то юноша; на волны
С немою скорбью он глядел…
В нем гасла жизнь, в нем гасла сила;
Недолго ждать ему конца;
И бледность мрачнаго лица
О близкой смерти говорила…
Он, умирая, сладко пел;
Звучала песня Десдемоны;
Ея любви молящей стоны
Он в песне выплакать хотел.
Полны тоски и горькой муки,
Неслися пламенные звуки….
Но все певец бледнел и гас…
Он умирал от тяжкой раны;
Бросая в волны след багряный,
Струею кровь его лилась…

Стихотворение было переведено по старым правилам русской орфографии. Poemalar